

Сказка «Господин и Слуга»

Билли Мак Дэниел, наверное, тоже был когда-то молодым и подавал надежды: лихо отплясывал на святом празднике, мог запросто осушить пинту или две, умел ловко работать дубинкой. Боялся он только одного – а вдруг нечего будет выпить? И заботился лишь об одном – кто заплатит за выпивку? И не думал ни о чем, кроме веселья.

Пьян он был или трезв, у него всегда находилось крепкое словцо и меткий удар – кстати, лучший способ завязывать и кончать спор.

Плохо только, что боялся, заботился и думал этот самый Билли Мак Дэниел лишь об одном, а потому попал в дурную компанию. И уж будьте уверены, нет ничего хуже хороших людей, попавших в дурную компанию!

Так случилось, что в одну ясную, морозную ночь, вскоре после рождества, Билли возвращался домой один. Светила круглая луна. И хотя стояла такая ночь, о какой можно только мечтать, он совсем продрог.

– Право слово, – стуча зубами, говорил он, – глоток доброго вина не помешал бы погибающему от холода человеку. Я бы не отказался сейчас даже от целой кружки лучшего вина!

– Что ж, дважды тебе не придется просить, Билли! – сказал маленький человечек в красной треуголке, обшитой золотым галуном, и с большущими серебряными пряжками на башмаках, такими огромными, что казалось просто чудом, как он мог передвигаться в них.

И он протянул Билли стаканнице с себя ростом, наполненный таким прекрасным вином, какое вряд ли вам удавалось видеть или пробовать.

– За ваши успехи, мой маленький дружок! – сказал Билли Мак Дэниел, нисколько не смутившись, хотя прекрасно знал, что человечек принадлежал к нечистым. – За ваше здоровье! И почтеннейше

благодарю. Эка важность, кто платит за выпивку, – он подхватил стакан и осушил его до дна одним глотком.

– Успехи так успехи, – сказал человечек. – И я сердечно рад тебя видеть, Билли. Только не думай, что тебе удастся провести и меня, как других. Доставай, доставай свой кошелек! Расплачивайся по-джентльменски.

– Что? Я должен тебе платить? – возмущился Билли. – Да я могу взять и засунуть тебя к себе в карман, как какую-нибудь смородину.

– Билли Мак Дэниел, – сказал маленький человечек, очень рассердившись, – ты будешь моим слугой семь лет и один день! Вот как мы с тобой покваемся. Так что готовься следовать за мной.

Услышав это, Билли уже начал жалеть, что так дерзко разговаривал с человечком и, сам не зная отчего, вдруг почувствовал, что должен всюду следовать за ним. Целую ночь напролет без единой передышки он шагал за ним вверх и вниз, через изгороди и канавы, по болотам и зарослям. А когда начало светать, человечек обернулся к Билли и сказал:

– Сейчас ты можешь отправляться домой, но берегись, Билли, если посмеешь не явиться сегодня вечером на крепостной вал. Только попробуй, вот увидишь, тебе же хуже придется! А будешь мне хорошим слугой, и я тебе буду добрым хозяином.

Билли Мак Дэниел отправился домой. И хотя он устал и вконец измучился, он так и не сомкнул глаз, все думая о человечке. Однако он побоялся не выполнить его приказания и к вечеру поднялся и отправился на крепостной вал. Только он гуда добрался, как маленький человечек подошел к нему и сказал:

– Сегодня ночью, Билли, я собираюсь совершить длинное путешествие. Так что оседлай-ка мне коня. Для себя тоже можешь взять скакуна, ты поедешь со мной, а то после вчерашней ночной прогулки небось устал.

Билли подумал, что это очень мило со стороны его господина, и в ответ поблагодарил его.

– Но простите, сэр, – сказал он, – что я осмеливаюсь спросить вас, а где ваша конюшня? Поблизости я не вижу ничего, кроме этого вала, какого-то старого боярышника там, в углу поля, ручейка, протекающего у подножия холма, да вот этого болота напротив нас.

– Не задавай вопросов, Билли! – сказал человечек. – Отправляйся к болоту и принеси мне два самых крепких тростника, какие найдешь.

Билли подчинился, а про себя с удивлением подумал: зачем это человечку? Срезал два самых толстых тростника, какие сумел найти – у каждого на стебле торчала коричневая цветущая головка, – и принес их своему господину.

– Влезай, Билли! – сказал человечек, беря у него один тростник и усаживаясь на него верхом.

– Но куда, ваша честь, я должен влезать? – спросил Билли.

– На коня, вот как я, куда же еще, – ответил человечек.

– Вы меня, наверное, совсем за дурака принимаете, – сказал Билли, – коли заставляете сесть верхом на какой-то тростник. Уж не хотите ли вы меня уверить, что этот тростник, который я только что сорвал вон на том болоте, и есть конь?

– Влезай! Влезай! Без разговоров, – сказал человечек, глядя очень сердито. – Лучший конь, на каком тебе доводилось ездить, и в подметки этому не годится.

Что ж, Билли подумал, что это шутка, но побоялся рассердить хозяина и уселся верхом на тростник.

– Боррам! Боррам! Боррам! – трижды выкрикнул его господин, что на человеческом языке означает расти, увеличиваться.

Билли повторил вслед за ним. Тростники начали расти, расти, наконец превратились в великолепных коней и понеслись во весь дух. И тут Билли обнаружил, что сидит на коне задом наперед, потому что, когда он усаживался на тростник, он просто не думал, что делает. Довольно-таки неудобно было сидеть носом к конскому хвосту, но конь сорвался с места так стремительно, что перевернуться было уже невозможно и оставалось только покрепче держаться за его хвост.

Наконец путешествие кончилось, и они остановились у ворот богатого дома.

– А теперь, Билли, – сказал человечек, – делай все в точности, как я, и следуй за мной. А так как ты не сумел отличить голову коня от хвоста, помни, ты не должен вертеть головой, пока не сможешь точно сказать, стоишь ли ты на голове или на ногах: учти, старое вино может заставить говорить даже кошку, но также может сделать немым человека.

Тут человек произнес несколько чудных словечек, которые Билли не понял, но тем не менее умудрился повторить следом за ним. И оба пролезли в замочную скважину сначала одной двери, потом другой, пока наконец не очутились в винном погребе, в котором хранились всевозможные вина.

Маленький человек напился до чертиков. Билли ни в чем не хотел от него отставать и тоже выпил.

– Вы лучший господин на свете, ей-ей! – говорил Билли человечку. – Кто будет следующий, наплевать. Мне очень нравится служить у вас, если вы и дальше станете давать мне как следует выпить.

– Ни в какие сделки я с тобой не вступал, – сказал человек, – и не собираюсь. Подымайся и следуй за мной!

И они убрались восвояси через замочные скважины. Каждый взобрался на тростник, оставленный у входной двери, и не успели сорваться с их губ слова: «Боррам, Боррам, Боррам!» – как оба уже неслись галопом, расшвыривая перед собою облака, будто снежные комья.

Когда они вернулись к крепостному валу, человек отпустил Билли, приказав ему явиться на то же место и в тот же час на следующий вечер. Так они и разъезжали одну ночь туда, другую сюда, когда на север, когда на восток, когда на юг, пока во всей Ирландии не осталось ни одного достойного винного погреба, в котором бы они не побывали. Более того, они теперь знали букет всех вин, какие хранились в этих погребах, пожалуй, лучше самих дворцовых.

И вот как-то вечером, когда Билли Мак Дэниел, как обычно, встретился с человечком на крепостном валу и направился было к болоту за конями для очередной поездки, его господин сказал ему:

– Билли, сегодня мне понадобится еще один скакун, может случиться, что возвращаться мы будем в большей компании, чем едем туда.

И Билли, который теперь уже прекрасно знал, что задавать вопросы не следует, не стал ждать приказаний своего господина, а взял да принес еще один тростник. Ему не терпелось узнать, кто же все-таки будет возвращаться в их компании.

«Может, мой брат-слуга, – думал Билли. – Тогда уж он будет ходить на болото за конями каждый божий вечер. А я ничем не хуже своего господина, по-моему, я такой же истинный джентльмен, как он».

Так-то вот. И они отправились. Билли вел третьего коня, и в дороге они не остановились ни разу, пока не добрались до приглядного фермерского домика в графстве Лимерик. Он стоял чуть ниже старого Карригоганиельского замка, который был выстроен, как говорят, самим великим Брианом Бору. В доме шел настоящий пир горой, и человек на минуту остановился у двери послушать. Потом вдруг повернулся к Билли и сказал:

– Знаешь, Билли, завтра мне стукнет ровно тысяча лет!

– Да что вы? Ну, дай бог вам доброго здоровья, – говорит Билли.

– Никогда не повторяй этих слов, Билли! – испугался старичок. – Иначе я пропал, и все по твоей милости. – И он продолжал: – Послушай, Билли, раз уж завтра исполняется тысяча лет, как я живу на этом свете, я думаю, мне пришла самая пора жениться, а?

– Я тоже так думаю, – согласился Билли. – Вне всяких сомнений даже, если только вы и в самом деле намерены жениться.

– За этим я и притащился сюда в Карригоганиель, – сказал старичок. – Сегодня вечером в этом самом доме молодой Дарби Райли собирается жениться на Бриджет Руни. Она высокая и миленькая, к тому же из хорошей семьи, и я решил поэтому сам на ней жениться и забрать ее с собой.

– А что скажет на это Дарби Райли? – спросил Билли.

– Молчи! – сказал человек и очень строго поглядел на него. – Я привел тебя сюда не для того, чтобы ты задавал мне вопросы.

И без дальнейших объяснений он забормотал те самые чудные словечки, с помощью которых пролезал в замочную скважину легко, будто воздух. А Билли считал себя чудо каким умным, что ухитрялся повторять их следом за ним.

Они оба проникли в дом, и, чтобы получше разглядеть гостей, человек вспорхнул, словно воробей какой-нибудь, на толстую балку, которая проходила через весь потолок над головами пирующих. Билли последовал его примеру и уселся на другую балку к нему лицом. Но так как он не очень-то привык сидеть в подобных местах, ноги его неуклюже болтались в воздухе, и было совершенно ясно, что в этом деле он не ухитрился точно следовать примеру маленького человека, – тот сидел, согнувшись в три погибели. Будь он портным хоть всю свою жизнь, ему бы не устроиться удобней, чем вот так, подогнувши под себя ноги.

Так они и сидели там, господин и слуга, и глядели вниз на пирующих. А под ними расселись священник с волынщиком, отец Дарби Райли с двумя братьями Дарби и сыном его дяди. Сидели там и отец с матерью Бриджет Руни. Эта парочка очень гордилась в тот вечер своей дочкой. Что ж, у стариков было на это полное право! Потом четыре сестры невесты в новеньких с иголки лентах на шляпках и ее три братца – такие умытые и умненькие на вид, ну прямо три мальчика из Манстера. Еще дяди и тетки, и кумушки, и всякие там двоюродные – в общем, хватало, дом был набит битком. А стол просто ломился от еды и питья. Даже если б вдвое больше набралось народу, и то хватило бы каждому.

И вот в тот самый момент, когда миссис Руни с благоговением приступила к первому куску пороссячьей головы с белой капустой, невеста вдруг возьми да чихни. Все сидевшие за столом вздрогнули, но ни один не сказал: «Дай бог тебе доброго здоровья!» Каждый подумал, что это сделает священник, как и следовало бы ему по долгу службы. Никому не хотелось разевать рот, чтобы вымолвить хоть словечко, потому что, к несчастью, все рты были заняты пороссячьей головой и зеленью. И через минуту уже за свадебным столом продолжались шутки и веселье. Обошлось без святого благословения.

Однако Билли и его господин с высоты своего положения не остались безучастными наблюдателями к этому происшествию.

– Ха! – воскликнул маленький человечек и от радости задрыгал одной ногой, которую вытащил из-под себя.

Глазки его так и забегали, так и загорелись странным огоньком, а брови поднялись и изогнулись наподобие готического свода.

– Ха! – сказал он, злорадно поглядывая то вниз на невесту, то вверх на Билли. – Наполовину она уже моя! Пусть только еще два разочка чихнет, не погляжу ни на священника, ни на псалтырь, ни на Дарби Райли – моя, и все тут!

Красотка Бриджет опять чихнула, но так тихо и при этом так покраснела, что, кроме маленького человечка, почти никто этого не заметил или сделал вид, что не заметил. И уж никто и не подумал сказать ей: «Дай бог тебе доброго здоровья!» А Билли все это время не сводил с бедной девушки глаз, и на лице его была написана глубокая печаль. Он все думал: как это ужасно, что такая вот симпатичная молоденькая девятнадцатилетняя девушка, с огромными голубыми глазами, нежной кожей и с ямочками на щеках, пышущая здоровьем и

весельем, должна выйти замуж за маленького уродца, которому стукнуло без одного дня тысячу лет!

Как раз в эту решающую минуту невеста чихнула в третий раз, и Билли, что было мочи, выкрикнул:

– Дай бог тебе доброго здоровья!

Почему вырвался у него этот возглас – то ли потому, что он пожалел невесту, то ли просто в силу привычки, – он и сам не мог толком объяснить. И только он произнес это, маленький человечек вспыхнул от ярости и разочарования, спрыгнул с балки, на которой сидел, и, выкрикнув пронзительно, словно испорченная волынка: «Я тебя увольняю, Билли Мак Дэниел, а в награду получай!» – дал бедному Билли такого здоровенного пинка в зад, что злополучный слуга растянулся лицом вниз, руки в стороны на самой середине праздничного стола.

Уж если Билли удивился, то можете себе представить, каково было изумление пирующих, когда его так вот бесцеремонно сбросили прямо на них. Но он рассказал им свою историю, и отец Куни отложил в сторону нож и вилку и тут же, не сходя с места и не теряя времени, обвенчал молодых.

А Билли Мак Дэниел отплясывал ринку на их свадьбе, да и угостили его на славу, что, на его взгляд, было получше танцев.